

СТЕНОГРАММА ДОКЛАДА К. А. ЧХЕИДЗЕ «“ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕГО ДЕЛА” Н. Ф. ФЕДОРОВА»

(Евразийский семинар, 10 октября 1934 года, Прага)

К. А. Ч.: Я остановлюсь лишь на нескольких моментах Ф. О. Д. и бегло скажу о сборнике Вседело 2¹. За последние годы е<вр>а<зийская> среда достаточно ознакомилась с мыслями Н. Ф. Ф-ва и его учеников; что касается сборника, то он известен почти каждому из присутствующих. Этим моя задача облегчена. Буду краток, чтобы большая часть имеющегося у нас времени была отведена на обмен мнениями. Прежде всего, остановлюсь на формальной стороне дела. Мне хочется высказать уверенность в том, что е<вр>а<зий>цы не станут относиться к ФОД так, как в свое время эмиграция отнеслась к Е<вр>а<зийст>ву. Нас отрицали, не читая; нас критиковали на основе выхваченных цитат; нас, наконец, поносили, базируясь на — страшно сказать — слухах о связях с предосудительными людьми. Необходимо делать различие между мертвенной частью диамата и нарастающей творческой жизнью целого Страны. Наш, ЕА, поворот лицом к Стране определен уже давно. Будем же придерживаться однажды принятого направления, в полной независимости от кого или чего бы то ни было, кроме своей совести и своего разума. — Что, говоря объективно, можно сказать о сборнике «Вседело»? — он вышел под № 2-ым. № 1-ый выпущен двадцать лет назад, перед войной. Идеи, возникшие перед всемирной катастрофой, ожили, м<ожет> б<ыть>, они и не умирали? — факт тот, что мы наблюдаем попытку увязки традиции и опыта революции. Это сочетание традиции и революции — один из устоев всего ЕА здания; нельзя не видеть, что участники «Вс<еленского> Д<ела>», по крайней мере, наши соседи. Также примечательно и то, кто находится среди участников сборника. Тут рядом с советскими авторами на совершенно равных основаниях и в значительном единодушии пишут эмигранты; есть даже иностранка². Было время, когда Кускова и ее компания призывали засыпать ров³. Перед нами попытка построения общими усилиями некоего высшего купола. Попытка построения купола имеет то преимущество перед засыпанием рва, что она соответствует наступающей высшей фазе революции в СССР. Процесс организации Союза во всем, что касается государственной формы правления и экономики, — в грубых чертах заканчивается. Этим приуготовляется почва для поисков в области духовного, идейного осознания совершившегося. Не поймите меня так, что сначала приходит бытие, а потом сознание: — тут сложная диалектика и не о ней речь. Речь же идет о большом и даже трагическом: о создании идеологии такого стиля и такого значения, что, собственно, можно было бы даже говорить о создании новой религии, если бы религии создавались...

Мы живем и движемся не в безвоздушном пространстве, а во вполне определенной исторической и культурной обстановке. Эта обстановка обладает известными достоинствами, есть в ней и недостатки. Осознание или ощущение недостатка — это уже начало поиска. Главная боль современности в выветривании религиозного чувства старого духа и не нахождение нового. Присматриваясь к положению христианства во всех трех его ветвях, нельзя не заметить глубокого кризиса, чтобы не сказать большего. Понятно, я говорю о историческом христианстве, а не о Вечной Истине, лежащей в основе исповедуемой нами религии. Католичество прилагает усилия приблизиться к жизни, чтобы овладеть ею. В течение немногих десятков лет изданы две энциклики (Рерум новарум и Квадраг<езимо> анно)⁴, обе говорят о устроении человеческого общества и организации труда. Второй документ подчас опровергает первый, но не в том дело. Самый факт беспокойства и поиска характерен и многозначителен. Жизнь переросла вчерашние «религиозные» понятия о государстве, культуре, труде; не говорю уже о технике, о массовом участии в домостроительстве вселенной: совсем недавно об этом не было и речи. То, что происходит в протестантских странах, — еще ярче и еще выразительнее. В Германии открыто заявляют о необходимости нахождения немецкого бога, организации немецкой церкви и т. д. Все это дух времени. Не то же ли делается и в Православии? Но одинаковость уже этого беглого диагноза доказывает *вселенскость* стоящих задач. В Православии (историческом) было много болезней. И не мне говорить о них перед аудиторией, составленной из Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого: вспомните, господи, старые е<вр>а<зийские> сборники, где писалось о синоде, о иероциновниках и т. д. Нет сомнения в том, что подлинное религиозное чувство в СССР не угасло. Но искать его надо всюду, по слову апостола: «Дух дышет, где хочет». Не будем забывать, что сомнение — удалось ли христиан-

ство — в огромных слоях нынешнего советского общества давным давно решено: оно не удалось! Советская власть, менявшая установки в политике, экономике и др. «материальных вопросах», — ни разу не изменила своих установок по части насаждения атеизма, борьбы с исторической формой религии. Я не в состоянии передать вам все, что знаю об этой борьбе. Смее утверждать, что ведется она на большой научной высоте; она не может не производить глубочайшего впечатления на умы, особенно молодые. Да ведь и то сказать — наше недавнее (отчасти и давнее!) прошлое, практика насаждения религии и удержания отживших форм — дает много поводов для критики и ударов.

Но правящая партия не только отрицает. Она деятельно насаждает нечто, заменяющее религию. Природа человеческого духа истине не терпит пустоты. Культ коллектива, культ труда в своеобразном понимании, культ Ленина и иных героев-вождей — вот тот эрзац, который замещает в СССР религию. Ошибочно недоучитывать всего этого! Коммунисты правильно думают, что корень всех проблем — в проблеме организации жизни на широких основаниях. Они дают свою теорию связи всего со всем: Природы, человека и вещей. Они строят эту теорию и в гносеологии, и в метафизике, и в этике. В наличной аудитории я могу освободить себя от критики марксизма в гносеологии и метафизике. Но тем более следует задержаться на этике. Ведь явление парт-этики всем известно. Тут нет места для споров. Она есть, она необычайно действительна. Парт-этика ВКП(б) оправдана тем конечным, эсхатологическим идеалом, который провозглашен за последнюю и заветнейшую мету строительства. Ради нее приносятся жертвы, во имя ее переплавляется Страна. Есть только одно средство серьезного соперничества с коммунизмом: построение иной, высшей, совершеннейшей эсхатологии⁵; без эсхатологии не может быть и этики — поскольку мы не последователи Канта. Связь между конечным идеалом коммунизма и этикой его — очевидна. Отсюда же следует выводить пафос *плана* — одержимость проективкой.

На этом я и закончу свое вступительное слово. Мне кажется, каждый, познакомившийся с эсхатологией Федорова, отлично понимает меня и ход моей мысли. Осознав необходимость построения конечного идеала, мы не можем проходить мимо величайшего мыслителя, посвятившего свое учение именно этому предмету. Неоднократно в е<вр>а<зийской> литературе высказывался взгляд, что наша идеократия нуждается в завершительной системе совершенной идеократии⁶. Следовательно, мы перед проблемой чисто эсхатологической. Таким образом устанавливается неразрывная связь между е<вр>а<зийской> идеократией, федоровской ФОД и христианской эсхатологией. Под знаком этой связи должна проходить наша будущая и ближайшая идеологическая работа.

П. Н. С.⁷: В Федорове сказалась церковная совесть его времени, то было время припрятывания совести внутрь. Призыв Ф<едоро>ва к братству, к овладению техникой, социальный характер его учения являются лишь одной стороной учения. Она для нас приемлема. Но у него имеется и другая, неприемлемая для нас сторона, а именно преодоление смерти средствами науки. В сборнике Вседело материал можно разделить на два разряда: евразийские статьи К. А. Ч. и В. А. Куликова и другие, чуждые е<вр>а<зийству>, они ударяют на воскрешение мертвых. Мы, христиане, признаем лишь воскресение, совершаемое Божественным актом. Тут два существенных аспекта в подходе к Федорову: евразийский, религиозный и механистический, сектанский. Тем не менее опыт Ф<едоро>ва весьма поучителен, его следует нам учесть, хотя и не становясь федоровцами. Воскрешение является попыткой изменения основных законов мира, установленных Творцом.

Н. С. Тр<убецк>ой: Сейчас вопрос ставится так: надо-де обновить Е<вр>а<зийст>во через федоровство, без федоровства из ЕА ничего не выйдет. Не первый год ЕА захлестывается марксизмом и федоровством. Но как мы боролись и боремся против одного, так же надо бороться и против другого. Никакой эсхатологии в федоровстве нет, а есть хилиазм, т. е. конец эволюции. Но Е<вр>а<зийст>во всегда восставало против хилиастических мечтаний. Идеократию мы никогда не выдавали за идеал — мы считаем, что такова будет форма общения ближайшего будущего. Общество беспрепятственно перестраивается; теперь нужна идеократия, потому что демократия себя изжила, а аристократия невозможна. Мы не можем принять марксизм без потери собственного лица; точно так же не можем принять федоровства. Принятие учения Маркса значило бы вхождение в подчинение марксистам, это опасный путь, он не для нас. А Федоров сектант, он непосредственно действует на простое сознание; с ним соглашения быть не может, а должно быть отмежевание от него, чтобы не было подчинения ему... К. А. Ч. восхищается тем, что в одном сборнике сотрудничают советские авторы и эмигранты. Я тут вижу опасность. Сувчинский тоже с этого начинал. Это безнадежная тактика, кончающаяся крахом для того, кто ее ведет. Мне кажется, попытки заимствований из федоровства только помешают нашей самостоятельной е<вр>а<зийской> работе; пользы от них нет никакой, это учение чуждо для нас. Мне писал Сувчинский, что Федоров — нечто среднее между Серафимом Саровским и Лениным. Сувчинский думал как-то скомбинировать все это. Чем это кончилось, вы, господа, знаете.

М. А. Б<елявск>ий (около — ЕА). Я целиком разделяю все, сказанное Н. С. Т. Для нас, русских, достаточно православия. Мы лишены своего отечества, не имеем этого *частного* блага; поэтому

незачем стремиться к всеобщему благу. Нам, эмигрантам, не к лицу заниматься вселенскими проблемами. Нам нужно бороться за Россию.

И. С. Б<елецк>ий⁸: К. А. Ч., по обыкновению, затронул сразу массу вопросов. Он уже предлагал однажды сравнение монархии, демократии и идеократии, требуя совершенной идеократии, по примеру представления о совершенной монархии и таковой же демократии. Я не согласен с этим. На мой взгляд, надо подчеркивать надклассовость идеократии, в этом ее сила. Излагая Федорова, К. - А. Ч. стремился замазать требование воскрешения мертвых. Это неправильно, потому что воскрешение — главный федоровский пункт. Тут отличие Ф<едоро>ва от христианства, знающего лишь воскресение. Проблема воскресения тесно связана с проблемой ответственности и страшного суда. Конечный идеал Ф<едоро>ва имеет сектантский характер, даже пошехонский. Проблема нравственная, проблема личной ответственности человека куда важнее. Человечество ограничено рентабельностью или нерентабельностью человеческих затей. Наука многое знает, но не делает, потому что результаты не оправдывают затрат (напр<имер> — искусственное золото). Сейчас нужно думать не о воскрешении мертвых, но о спасении русской государственности от гибели. В России перешли к натуральному обмену; вспоминая Римскую империю, надо сказать, что это признак гибельный. В таких обстоятельствах федоровское учение несвоевременно и неприемлемо.

А. П. А<нтип>ов⁹: К. А. Ч., действительно, ничего не говорил о воскрешении мертвых, но от этого его изложение проблемы ничуть не потеряло в своей значительности. Это доказывает, что принимать фед<оровст>во можно и без воскрешения мертвых. Я вижу в ФОДеда много очень существенных элементов, нужных каждому современнику и нам, е<вр>а<зийцам>. Ведь совершенно неправ Н. С. Т<рубецк>ой, говоривший, будто мы никак не приняли марксизм. К чему это скрывать? — да, мы кое-что взяли из марксизма, именно то, что было принято и освоено русской революционной стихией. Социальная устремленность марксизма отнюдь не чужда нам; его моральный пафос также понятен нам. А что же сказать о принципе преобладания общего над частным? — да ведь это и наш, е<вр>а<зийский>, принцип! Но мы отбросили материализм Маркса, отбросили и многие другие его элементы. Следовательно, у нас есть опыт критического восприятия Маркса. Совершенно так же мы можем действовать в отношении Фед<оро>ва. По моему, П. Н. С. неправ, говоря, что в Фед<оро>ве сказались состояния исторической церкви его времени и что он, следовательно, представляет скорее исторический интерес. Ведь не случайно Ф<едоро>ва открыли лишь теперь, значит, он созвучен современности, отвечает на ее вопросы. Неправ и И. С. Б<елецк>

к>ий, считая, что в СССР намечаются экономические признаки гибели. Б<елецк>ий делает этот вывод из положений теоретической, и притом буржуазной, науки. Сейчас СССР более далек от гибели, чем когда бы то ни было. Увлекаясь теориями, И. С. Б<елецк>ий не видит жизни. А жизнь не боится трудностей, противоречий, она полна ими. Еще возражу М. А. Б<елявско>му, который ратует против мировых задач ЕА. М. А. опоздал года на два — на три: дискуссия на тему «национальное и вселенское» происходила в ЕА три года назад. И сейчас уместно повторить, что ЕА, выходящая в состоянии идей с коммунизмом, достигло понимания и чувствования вселенских задач и масштабов — хотя бы теоретически. А то, что мы эмигранты, есть случайное обстоятельство, иногда помогающее работе, иногда затрудняющее ее. Главное в том, чтобы наша идея соответствовала бы русской революционной действительности и могла победить в ней. Е<вр>а<зийст>во началось с преодоления внутри себя эмигрантщины. На родине совершается великое дело, это сознание значительности там происходящего отличает е<вр>а<зий>цев от других эмигрантов. Мне кажется, путь К. А. Ч. понятен. Он занялся изучением русской революционной среды во всем ее разнообразии. Он пришел к выводу, что есть много соответствий между этой средой и федоровскими установками; поэтому он и взялся за ФОДеда. Наконец, я нахожу, что формула Сувчинского вовсе не так уж плоха и неправильна, как кажется. Однако ее следует понимать не в утилитарном смысле. Главная ошибка Сув<чинско>го в том и была, что он не мог отделаться от утилитаризма во всем: в идеологии, в тактике, даже в личных связях. А наш подход независимый.

Н. С. Ир<ман>ов¹⁰ (не — ЕА): С некоторого времени в евразийстве намечилось нечто, напоминающее дифференциацию. Такие дифференциации уже бывали, можно даже сказать — они характерны для истории русских революционно-общественных движений. В какой-то момент в этих движениях намечалось размежевание, одни придерживались чистоты идеи, удалялись в кабинет; другие же, охваченные, одержимые идеей, что ли, шли в массы, овладевали ими и вели их. Я говорю объективно и могу указать примеры. Самые яркие фигуры тут, конечно, Кропоткин и Ленин. Мне кажется, вообще можно характеризовать один тип деятелей как теоретиков, а другой как сектантов. И чем секта была одержимее, тем большего она достигала. Мне кажется, в Е<вр>а<зийст>ве намечилось нечто подобное. В свое время Маркса забил Бакуни — тоже типичный убежденный сектант. Не происходит ли в Е<вр>а<зийст>ве за последние годы такого же поделения на теоретиков и сектантов? — В России сейчас слышен запах трупа Маркса. Увлечение им выдыхается. Для России

нужна сейчас новая секта, непримиримая в своей мистике, верующая в свое призвание.

М. А. Б<елявск>ий: берет слово для возражения А. П. А<нтипо>ву относительно его слов о силе положения СССР. М. А. Б. указывает на безобразия в транспорте, на недостатки питания населения: советское хозяйство ведется преступно.

А. П. А<нтип>ов: Я тоже хорошо знаю о неустройстве транспорта и пр. Но ведь там наново перестраивается жизнь огромной страны. Отставания и провалы неизбежны. Расценивать положение России с транспортной точки зрения неостроумно. Надобно сравнивать ситуации и перспективы — в России, Америке, Европе. Надо вчитываться в советскую литературу, не только специальную, но и художественную. Без понимания пафоса стройки, без понимания тамошней этики, ее мотивов — о кот<орых> совершенно правильно говорил К. А. Ч. — вообще трудно что-либо понять из делающегося в Союзе.

Н. С. Тр<убецк>ой: Я ставил вопрос так: включать ли Федорова в Е<вр>а<зийст>во? — между тем прения приняли характер обсуждения федоровства по существу. Я считаю, что вопрос о воскрешении — центральный для Федорова. Быть может, на этом можно было бы заработать, это могло бы оказаться выгодным. Но это противоречит религии, Православию. Надо прямо признать, что здесь, на земле, все равно лучше никогда не будет. Общее дело — это не более чем игра слов. Какое может быть общее дело? — очень разнообразное. Когда говорят о наличии какого-то общего дела в современной России — это тоже игра слов. Вообще не надо играть словами. А. П. А<нтип>ов этому не следует. «Принятие Маркса» — опасная игра слов. Понятно, ЕА не должно замыкаться; оно не должно ограничиваться одной Россией — я об этом всегда проповедывал. Мы выдвигаем учение об автаркии, о культурных типах; Россия может и должна дать теорию современности, значимую для всего мира, и без помощи федоровцев.

И. С. Б<елецк>ий: возражает Н. С. Ир<мано>ву. Мы, е<вр>а<зийцы>, тоже говорим о работе сектантского типа. Знаем ее выгоды, но не хотим сектантства, которое сектантством и остается.

К. А. Ч.: Прежде всего я категорически отмечаю утилитарный подход к ФОД, Федорову и вообще к явлениям идейного порядка. Сувчинский манипулировал с идеями, не углубляясь в них, не пронизываясь ими и не веря ни в одну из них. У него преобладала тактика. Впрочем, и тактика его была отчасти наивная, отчасти бесцельная — вопрос шел о приспособлении, и он проиграл по всей линии. В словах Н. С. Т<рубецко>го мне чудится упадочный тон. Что, собственно, должно означать, что «все равно лучше не будет»? — Как согласовать эти настроения с явно выраженным заветом: «Будьте совершенны, как совершен Отец Небесный»? — к ко-

му обращено требование Евангелия? — или этот призыв имеет лишь теоретическую ценность? — он взвездного порядка? — Я представляю себе только три подхода: или есть Бог и мир, лежащий в отдельности от Него; или есть Бог, имманентно связанный с миром, или Бога вовсе нет. Последняя точка зрения — атеистическая, мы отвергаем ее. Христианство, выдвинувшее учение о Бого-человечестве, стоит на точке зрения спаянности Бога и мира. Человек признается Сыном Божиим — подумайте какая великая мысль! — но и великая ответственность. И. С. Б<елецк>ий впадает в чрезвычайное недоразумение, отрицая за сторонниками ФОД чувство долга, ответственности. Напротив, на ответственности за судьбы человека и мира здесь построено все. Я намеренно умолчал о воскрешении мертвых. Я хотел показать, что, независимо от того, какую роль играет этот момент в ФОД, она значительна и без него и, главное, имеет множество нитей, связывающих ее с современностью.

Н. С. Тр<убецк>ой вскользь упомянул о науке, отдельно стоящей от религии. Не могу не видеть здесь крайнего выражения воззрений критической эпохи. Я думал и думаю о себе, что я не плохой евразиец. Евразийство воспринимал всегда как волю к созданию синтетической эпохи, целостного мировоззрения. Но что такое целостное мировоззрение? — на примере коммунизма мы видим, что это, между прочим, такое мировоззрение, в котором увязаны в одно целое идея, искусство, наука, техника и т. д. Есть иерархия областей делания, зависящая от иерархии ценностей. ФОДела тем и замечательна, что она, указывая конечную цель, поставляет на службу ей все области человеческого труда — будь то наука или техника.

Замечания Н. С. Ир<мано>ва о сектантах остроумно и полно значения. Но сделаться сектантом нельзя — хорошо это или дурно, но сектанты такого типа сами вырастают в лучах эпохи. Независимо от конкретных результатов нашей деятельности, мы должны утверждаться на том, что принимаем за истину, — остальное приложится.

Если, как об этом также говорили П. Н. С. и Н. С. Т., смысл религии и истории в установлении свободы, я спрошу: что такое свобода? о какой свободе идет речь? — Гегель понимал свободу так, а ап. Павел иначе. Шопенгауэр, как кажется, лучше всех понял, что есть две свободы: действия (операре) и бытия (эссе). Христианство строит вторую. Человек должен свободно принять программу действий (в этом операре), идти к совершенной свободе — эссе. Совершенство дано в Евангелии, Христос — искуситель, Он победил разложение естества, победил «естественные законы» (о них упомянул П. Н. С.) — а ап. Павел сказал: будьте подражателями мне, как я Христу...¹¹

Без сомнения, мы вступили в фазу вселенскости. Кто этого не ощущает, того переубедить трудно. Переубедит время. Мы погружены в стихию проективизма. Выдвигаются конечные идеалы, на основе их создается этика; а проекты и планы — это пунктир, путь осуществления идеалов. Намечается состязание и победит тот, кто возвысится до прозрения высшего, истинного идеала. В этом суть нашей эпохи.

П. Н. С.: благодарит К. А. Ч. и Н. С. Т. Мы не приняли марксизм, но учли его. Так же поступим и с Федоровым. В Федорове есть соблазн механицизма. Но есть и много значительных мыслей. Нам, ЕА, путь — свободное творчество, создание большой исторической системы, завершенной идеологией высокого стиля. ЕА призвано занять последние высоты философской и мирозерцательной мысли.

